вѣку придти въ отчаяніе, усумниться въ разумности человѣческой природы и прекратить жизнь въ этомъ безумномъ и звѣрскомъ мірѣ. Противорѣчіе это — военное, заключающее въ себѣ квинтъ-эссенцію всѣхъ другихъ противорѣчій — такъ ужасно, что жить, участвуя въ немъ, можно только, если не думаешь о немъ, можешь забыть его.

Какъ! Мы всѣ христіане, не только исповѣдуемъ любовь другъ къ другу, но дѣйствительно живемъ одной общей жизнью, одними ударами бьется пульсъ нашей жизни, мы помогаемъ другъ другу, учимся другъ у друга, все больше и больше, ко взаимной радости, любовно сближаемся другъ съ другомъ! Въ этомъ сближеніи — смыслъ всей жизни, — и завтра какой нибудь ошалѣлый глава правительства скажетъ какую-нибудь глупость, другой — отвѣтитъ такой-же, и я пойду, самъ подвергаясь убійству, убивать людей не только мнѣ ничего не сдѣлавшихъ, но — которыхъ я люблю. И это не отдаленная случайность, а это то самое, къ чему мы всѣ готовимся, и есть не только вѣроятное, но неизбѣжное событіе.

Достаточно ясно сознать это для того, чтобы сойти съ ума или застрѣлиться. И это самое и случается и даже особенно часто между военными. Стоить только на минуту опомниться, чтобы прійти къ необходимости такого конца. Только этимъ и объясняется то страшное напряженіе, съ которымъ люди нашего времени стремятся къ одурманенію себя виномъ, табакомъ, опіумомъ, картами, чтеніемъ газетъ, путешествіями, всякими зрѣлищами и увеселеніями. Всѣ эти дѣла производятся, какъ серьезныя, важныя дѣла. Онѣ дѣйствительно важныя дѣла. Если-бы не было внѣшнихъ средствъ отуманиванія, половина людей немедленно перестрѣлялась-бы, потому что жить противорѣчиво своему разуму есть самое непереносимое состояніе. А въ этомъ состояніи находятся всѣ люди нашего времени. Всѣ люди нашего времени живутъ въ постоянномъ вопіющемъ противорѣчіи сознанія и жизни. Противорѣчія эти выражаются и въ экономическихъ и государственныхъ отношеніяхъ, но рѣзче всего это противорѣчіе — въ сознаніи людьми христіанскаго закона братства людей и — необходимости, въ которую ставитъ всѣхъ людей общая воинская повинность, каждому быть готовымъ къ враждѣ, къ убійству, — каждому быть въ одно и то-же время христіаниномъ и гладіаторомъ.

VI.

Разрѣшеніе противорѣчій жизни и сознанія возможно двумя путями: измѣненіемъ жизни или сознанія. И въ выборѣ изъ двухъ, казалось бы, не можетъ быть сомнѣнія.

Человѣкъ можетъ перестать дѣлать то, что онъ считаетъ дурнымъ, но не можетъ перестать считать дурнымъ дурное.

Точно также и все человѣчество можетъ перестать дѣлать то, что оно считаетъ дурнымъ, но не можетъ не только измѣнить, но и задержать хоть на время все уясняющаго и распространяющагося сознанія того, что дурно и чего поэтому не должно быть. Казалось-бы, что выборъ между измѣненіемъ жизни и сознанія долженъ-бы быть ясенъ и не подлежать сомнѣнію.

И потому, казалось-бы, неизбѣжно христіанскому человѣчеству нашего времени отречься отъ осуждаемыхъ имъ языческихъ формъ жизни и на признаваемыхъ имъ христіанскихъ основахъ построить свою жизнь.

Но такъ-бы это было, если-бы не было закона инерціи, столь-же неизмѣннаго въ жизни людей и народовъ, сколько въ неодушевленныхъ тѣлахъ, выражающагося для людей психологическимъ закономъ, такъ вѣрно выраженнымъ въ Евангеліи словами: «и не шли къ свѣту, потому что дѣла ихъ были злы». Законъ этотъ состоитъ въ томъ, что большинство людей мыслятъ не для того, чтобы познать истину, а для того, чтобы увѣрить себя, что они находятся въ истинѣ, чтобы увѣрить себя въ томъ, что та жизнь, которую они ведутъ, и которая имъ пріятна и привычна, и есть та самая, которая сходится съ истиной.

Рабство было противно всѣмъ тѣмъ нравственнымъ началамъ, которыя проповѣдовалъ Платонъ и Аристотель, — а между тѣмъ ни тотъ, ни другой не видѣли этого, потому что отрицаніе рабства разрушало всю ту жизнь, которой они жили. То-же происходитъ и въ нашемъ мірѣ.

Раздѣленіе людей на двѣ касты, также какъ и государственное и военное насиліе, противны всѣмъ тѣмъ нравственнымъ началамъ, которыми живетъ нашъ міръ, и вмѣстѣ съ тѣмъ передовые образованные люди нашего времени, какъ будто не видятъ этого.

Большинство, если не всѣ образованные люди нашего времени безсознательно стараются удержать прежнее общественное жизнепониманіе, оправдывающее ихъ положеніе, и скрыть отъ себя и людей несостоятельность его и, главное, — необходимость усвоенія того христіанскаго жизнепониманія, которое разрушаетъ весь строй существующей жизни. Они стремятся поддержать порядки, основанные на общественномъ жизнепониманіи, но сами не вѣрятъ въ него, потому что оно отжито и въ него нельзя уже вѣрить.

Вся литература, — и философская, и политическая, и изящная нашего времени поразительна въ этомъ отношеніи. Какое